

ОЩУТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Морис Обстфельд о своей работе в должности
главного экономиста МВФ

Морис Обстфельд, который в конце 2018 года уходит на пенсию с поста главного экономиста Международного Валютного Фонда, в интервью с Гитой Бхат, *Ф&Р*, делится своими размышлениями о напряженности в торговле, усилении неравенства, важности образования и об отношениях между США и Китаем. Обстфельд планирует вернуться в Калифорнийский университет в Беркли, где в течение 24 лет он был видным ученым-экономистом и соавтором двух ведущих учебников по международной экономике. Его преемницей в МВФ будет Гита Гопинат из Гарвардского университета.

Ф&Р: Что Вас больше всего беспокоит на макроэкономическом фронте?

МО: Основания для беспокойства ясно изложены в докладе «Перспективы

развития мировой экономики»: напряженность в торговле и адаптация к разным финансовым условиям при намного более высоких, чем в прошлом, уровнях частного и государственного долга.

В более долгосрочной перспективе существует проблема роста заработной платы и производительности. Как нам стимулировать инновации?

Нам нужно серьезно переосмыслить подход к инвестициям в образование во всем мире. Доказано, что вложения в человеческий капитал с самого раннего возраста имеют решающее значение для успеха в будущем. Но и позже в жизни они могут способствовать большей гибкости рабочей силы, продлевать трудовую жизнь и компенсировать последствия старения населения.

Это также поможет смягчить возможные проблемы адаптации, связанные с технологиями и торговлей. Это сделает экономику стран более устойчивой и способной лучше решать критически важную долгосрочную проблему, суть которой в том, что работающие не получают своей доли выгод от экономического роста. Во многих странах складывается представление, что доходы работников не растут, что социальная мобильность снизилась, что возможности сократились, что уровень жизни детей будет не выше, а может быть, и ниже, чем у их родителей. Эти тенденции отравляют нашу политическую жизнь.

Ф&Р: США и Китай — крупнейшие и самые динамичные экономики в мире. Как Вам видится будущее их экономических взаимоотношений?

МО: Их разногласия отнюдь не ограничиваются экономикой. Они касаются самой сути вопроса глобального лидерства. На месте такой страны, как Соединенные Штаты, которые являются мировым лидером и определяют структуру глобального управления, как бы вы строили эти отношения, которые создают одновременно возможности для сотрудничества и риски конфликта?

Более того, как это делать, имея дело с системой, которая очень сильно отличается от вашей в политическом плане? Если посмотреть, какой подход избрала администрация Обамы в торговых отношениях с Китаем, одним из важных его элементов было ТТП [Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве], которое не включало Китай, но допускало возможность присоединения к нему стран (в том числе Китая), если они признавали его правила. Это была стратегия для поддержания влияния США и, потенциально, воздействия посредством мягкой силы на то, как Китай ведет торговлю.

Теперь эти отношения в значительно большей степени принимают характер конфронтации, по крайней мере, это очевидно в торговле. Не уверен,

что конфронтация в итоге будет продуктивной, поскольку она ставит во главу угла идею о том, что одна страна должна «победить» и доминировать, вместо создания структуры, в которой страны могут сосуществовать, а развитие конфликтов будет сдерживаться.

Ф&Р: За три года Вашей работы на посту главного экономиста МВФ каковы были некоторые из наиболее неожиданных мировых экономических событий?

МО: Когда я пришел в Фонд, рынки активов переживали потрясения, так как незадолго до этого Китай девальвировал юань и изменил режим валютного курса. Это положило начало периоду обеспокоенности относительно роста и стабильности в Китае, которая сказывалась на мировых рынках активов всю первую половину 2016 года.

Следующей неожиданностью было голосование по «брекситу», состоявшееся в середине 2016 года, когда, как нам представлялось, рынки все еще были несколько неустойчивыми, и мы опасались возможных негативных последствий.

Вскоре после этого прошли президентские выборы в США, итог которых также оказался неожиданным и вызвал новую динамику, где, с одной стороны, имелись перспективы дополнительного бюджетного стимула в США, подкрепляемого подъемом на фондовом рынке. С другой стороны, негативным аспектом была шумная риторика относительно торговли и возможных переговоров об изменении основополагающих торговых связей, которая немногим более года спустя воплотилась в действия.

Все это происходило на фоне постепенной нормализации денежно-кредитной политики Федеральной резервной системой. В декабре 2015 года ФРС начала повышать процентные ставки США и все еще продолжает эти повышения; в результате финансовые условия для стран с формирующимся рынком стали намного более жесткими.

Ф&Р: Ощущаете ли Вы ответственность за влияние Ваших исследований на политику?

МО: Всегда хочется, чтобы твои исследования были максимально солидными и убедительными. Если это так, то я не волнуюсь. Больше беспокоюсь о том, чтобы дать правильные рекомендации во время кризиса, — если допустишь серьезную ошибку, может пострадать много людей.

Впервые я осознал эту ответственность в августе 2015 года, накануне заступления на эту должность. В тот месяц Китай девальвировал свою валюту, и мировые рынки были в панике. Некоторые видные экономисты писали встревоженные — и тревожащие — сообщения в Твиттере. Председатель совета экономических консультантов США Джейсон Фурман был в отпуске в связи с рождением ребенка, и я как член Совета был ответственным макроэкономистом. Президент Обама пригласил меня в Овальный кабинет вместе с министром финансов Джеком Лью.

Президент, казалось, воспринимал ситуацию спокойно. Он посмотрел на меня и спросил: «Мне стоит беспокоиться?» И я подумал про себя: «Мне никогда не приходилось быть в такой ситуации, но, видимо, нередко придется во время работы в Фонде». У меня была пара секунд, чтобы обдумать ответ. Я сказал: «Нет. Положение на рынках выправится, не думаю пока, что конец света близок».

Президент повернулся к министру Лью. «Джек, а Вы как думаете?» Тот ответил: «Я с этим согласен». «Хорошо, спасибо, — сказал президент. — Мы можем попросить их прекратить писать твиты?» На этом встреча закончилась.

Ф&Р: Как Вы считаете, в чем Вам удалось наиболее ощутимо изменить ситуацию?

МО: Исторически торговля не была в центре внимания МВФ, но мы намного усилили это направление. Учет неравенства и инклюзивности роста в значительно большей степени стал частью стандартной практики. Мы также больше занимаемся проблемами изменения климата. Когда я пришел в Фонд, были сомнения, следует ли нам изучать вопросы климата. Мы говорим о важности вопросов для макроэкономического развития, а ведь, поистине,

Всегда хочется, чтобы твои исследования были максимально солидными и убедительными.

это угроза «макро-макро» уровня. Фонду «на генном уровне» свойственно беспокоиться о нарушениях глобальной координации, и изменение климата — самое масштабное и значимое из всех, с которыми мы сталкиваемся. Если я смог как-то повлиять на подход к этому вопросу в Фонде, я буду очень этому рад.

Ф&Р: Как Вы представляете эволюцию роли МВФ?

МО: Нам нужно внедрить более долгосрочный подход в нашем надзоре. Мы тщательно анализируем краткосрочные и среднесрочные вопросы, но необходимо более перспективное мышление, чтобы мы могли более убедительно рекомендовать официальным органам стран задумываться об отдаленном будущем, намного дальше рамок политического цикла. А для этого и нам может потребоваться мыслить в чем-то более широко.

Мы должны понимать, что находимся в уникальном положении как организация с давней историей, достаточно независимая от повседневных политических процессов. Думаю, нужно помнить о том, насколько это положение неординарно, и учиться использовать его более эффективно. **ФР**

Интервью было сокращено и отредактировано для большей ясности. Более полная версия этой статьи имеется на сайте www.fandd.org.